

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.27>

Кузьмина Раиса Петровна

ЮКАГИРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НИЖНЕКОЛЫМСКОМ ГОВОРЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

В статье предпринята попытка описания юкагирских заимствований в нижнеколымском говоре эвенского языка, ранее не рассматривавшихся в трудах эвеноведов-исследователей. Автором вводится в научный оборот новый лингвистический материал по юкагирским заимствованиям, конкретно - из его тундренного диалекта. Основное содержание исследования составляет анализ заимствований в языке нижнеколымских эвенов из юкагирского языка, выявляющихся на всех языковых уровнях и характеризующихся рядом особенностей. Изучение юкагиризмов проводится на полевом материале, собранном в с. Андрюшкино, Колымское Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия) (2013-2015 гг.).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 116-120. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.512.211

Дата поступления рукописи: 22.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.27>

В статье предпринята попытка описания юкагирских заимствований в нижнеколымском говоре эвенского языка, ранее не рассматривавшихся в трудах эвеноведов-исследователей. Автором вводится в научный оборот новый лингвистический материал по юкагирским заимствованиям, конкретно – из его тундренного диалекта. Основное содержание исследования составляет анализ заимствований в языке нижнеколымских эвенов из юкагирского языка, выявляющихся на всех языковых уровнях и характеризующихся рядом особенностей. Изучение юкагиризм проводится на полевом материале, собранном в с. Андрюшкино, Колымское Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия) (2013-2015 гг.).

Ключевые слова и фразы: лексический состав; нижнеколымский говор; диалектизмы; эвенский язык; интерференция; семантика.

Кузьмина Раиса Петровна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
raisakuzmina2013@yandex.ru*

ЮКАГИРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НИЖНЕКОЛЫМСКОМ ГОВОРЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

В эвенском языке заимствованная лексика занимает значительную часть и является одним из основных источников обогащения словарного состава языка. Заимствования отражают в процессах ассимиляции системные явления языка-реципиента на всех уровнях языка. Актуальность данной работы определена недостаточной исследованностью юкагирских заимствований в говорах эвенского языка. Изучение юкагиризм в нижнеколымском говоре внесет дополнительные сведения для решения вопросов языковых, культурных и этнических контактов эвенского и юкагирского этносов.

Новизна научной статьи заключается в том, что впервые в эвеноведении предпринята попытка описания юкагирских лексических заимствований в одном из малоисследованных говоров эвенского языка, дается их классификация по тематическим группам.

Цель настоящей работы – анализ юкагирской заимствованной лексики в нижнеколымском говоре эвенского языка и исследование особенностей ее освоения и адаптации в эвенском языке. Цель исследования определила постановку и решение следующих задач: классифицировать лексические заимствования по тематическим группам; провести анализ и определить степень фонетического, морфологического и семантического освоения заимствованных слов.

Исследованию тюркских и монгольских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках посвящены работы В. И. Цинциус [18], К. А. Новиковой [11]. Якутские лексические заимствования в эвенском языке были предметом исследования С. Н. Саввиной [15], юкагирско-эвенские языковые связи рассматривались в работах Е. А. Крейнвича [3, с. 246-250], С. Н. Куриловой [10]. Для сравнительных исследований использовались работы Г. Н. Курилова «Лексикология современного юкагирского языка. Развитие лексики и роль в нем якутского языка» [8] и «Юкагирско-русский словарь» [9]. Специальные исследования по описанию юкагиризм в говорах эвенского языка, в частности в нижнеколымском говоре, ранее не проводились. Отдельные юкагиризмы в говорах эвенов Якутии были приведены в работах К. А. Новиковой «Лексика эвенского языка» [12], «Аллаиховский говор эвенского языка» Х. И. Дуткина [1], «Тундренный диалект эвенского языка» Х. И. Дуткина, М. Х. Белянской [2] и в статье Р. П. Кузьминой [5].

Нижнеколымские эвены проживают в Нижнеколымском улусе Республики Саха (Якутия), где в тесном культурном и языковом взаимодействии на протяжении многих столетий проживают представители разных этносов, относящихся к разным этническим группам, различающимся по языку и культуре. Процесс взаимовлияния различных языков сыграл большую роль в формировании специфических черт нижнеколымского говора на всех уровнях языка.

О времени появления тунгусов и ламутов на Алазее В. А. Туголуков отмечает: «В начале XVIII в. на Алазею пришли тунгусы Бетильского рода. Вот эти-то тунгусы, выходцы с нижней Лены, женившиеся на юкагирских женщинах, и составляют в настоящее время ядро алазейских юкагириров. Они именуют себя одулами и говорят на тундренном диалекте юкагирского языка. Других юкагириров тут нет.

Наряду с тунгусами-бетильцами на Алазее в XVIII в. стали кочевать ламуты – выходцы с Охотского побережья. Позднее там появились якуты, а во второй половине XIX в. – и чукчи, вернувшиеся на Алазею спустя два столетия после своего ухода оттуда» [16, с. 33].

Ранее о языковой ситуации в Нижнеколымском районе Якутии Х. И. Дуткин и М. Х. Белянская писали: «Для эвенов Нижнеколымского района характерен полилингвизм. Например, в пос. Андрюшкино и Колымское, а также в Черском языковая ситуация такова, что многие жители владеют несколькими (от 2 до 5) языками. Многие эвены знают не только юкагирский и чукотский языки, но и якутский и русский, так же, как юкагиры и чукчи. Правда, сейчас это относится, в основном, к людям старшего поколения» [2, с. 85]. Исследования Х. И. Дуткина, проводившиеся в 1974-2002 гг., подтверждаются данными наших исследований [6, с. 109].

Основной словарный фонд нижнеколымского говора составляют слова общеэвенского происхождения. Вместе с тем лексический состав говора обнаруживает специфические черты наличием значительного количества слов, не зафиксированных в других говорах. Данные лексические единицы мы классифицируем следующим образом: собственно лексические диалектизмы; лексические заимствования из юкагирского, якутского, русского и чукотского языков.

В языке-реципиенте (эвенов Нижней Колымы) используются юкагиризмы, не имеющие аналогов в литературном языке и в восточных и говорах эвенского языка. Некоторые из данных коррелятов были выделены К. А. Новиковой в диалектах эвенов Якутии: эвн. алл. ск. *налима* ~ *нолима* `нарта` < юк. кол. *налимэ*, юк. тундр. *лалимэң*; эвн. алл. *нимба* `доска для обработки шкур` < юк. *нинбэ* `доска для кройки`; эвн. алл. *олзэ* `лодка` < юк. тундр. *өл'д'эң*; эвн. алл. *онди* `вода` < юк. тундр. *од'и*; эвн. ск. *көтлэн* `маленький` < юк. тундр. *көйлэң* [12, с. 129].

Х. И. Дуткин в аллаиховском говоре приводит примеры нескольких лексических единиц, заимствованных из тундренного диалекта юкагирского языка: «...налима `нарты`, ср. юк. лалимэ; амун `кость`, ср. юк. амун, өлд'э `ветка, лодка`, ср. юк. өлзэ; киз `друг, товарищ`; ср. юк. ке; Чугуйа – название местности, ср. юк. тобойэ `нож`; Чинди (имя муж.), ср. юк. Чэнди (имя жен.); Сакла (имя жен.), ср. юк. Сахлэн (имя муж.) `Сова`, Аллаиха `название местности`, ср. юк. алайа `жизнь`, Суобуль (имя муж.), ср. юк. Суобул (имя муж.)» [1, с. 74]. Данные заимствованные лексемы имеют параллели и в языке нижнеколымских эвенов.

Большинство заимствованных лексем вошли в состав говора, не подвергаясь адаптационным изменениям и не меняя своей фонетической и морфологической структуры, которая характерна для языка-источника. Изменения в семантике слова выявляются в крайне редких случаях. Юкагирские заимствования в говоре обнаружены почти во всех тематических группах. Наибольшее число заимствованных лексем выявлено в тематических группах «Термины родства и свойства», «Наименования птиц». По другим тематическим группам (ТГ) из языка-источника заимствовано небольшое количество лексем. Следует также отметить, что в говоре не зафиксировано ни одного глагола, заимствованного из юкагирского языка. Заимствуются в основном именные части речи, служебные слова. Заимствованные лексемы рассмотрены по следующим ТГ:

ТГ «Термины родства и свойства»:

эмд'э `младший брат, младшая сестра` < юк. *эмд'э* `младший брат или младшая сестра`; *киага* `дедушка` < юк. устар. *кагийя* `устар. термин родства`; *эпиэ* `старшая сестра отца` < юк. *эпиэ* `тетя (старшая единоутробная, двоюродная, троюродная сестра отца)`; *иидиэ* `невестка` < юк. *иидиэ* `тетя (жена старшего брата; жена младшего брата отца)`; *чамийа* `старшая сестра мамы` < юк. *чамийаа* `бабушка (старшая сестра мамы)`; *эвд'уо* `младшая сестра отца` < юк. `тетя (единоутробная, двоюродная сестра отца)`; *чимуочиэ* `старший брат отца` < юк. *чумуочиэ* `дед (старший брат отца)`; *йадиэ* `младшая сестра мамы` < юк. *йаадиэ* `тетя (младшая сестра матери)`; *навд'а* `старший брат мамы` < юк. *хавд'аа* `старший брат матери; двоюродные, троюродные ст. братья матери` [14].

Пример: *Бй осколала ирилэй надан ануаний бкән киаҕала биһив кутлэн'эрэптукий. / Я с малых лет до поступления в школу, до семи лет, у дедушки воспитывалась; Эмд'энилбу бөкэчэн икэврэр, бөкэчэн артиставар. / Младшие братья и сестры все поют, все выступают на сцене [Там же].*

ТГ «Части тела оленя», «Части тела человека»:

амун `кость` < юк. *амун* `кость`; останки, прах, тело (умершего); косточка (компота); скорлупа; рост; *көлэкэ* `пупок` < юк. *куолэкээ* `пупок`; *сисха* `палец` < юк. *сисха* `палец; лапа` [Там же].

Пример: *Мут боллар эр оран амулман букатын илэ-дэ эһэн нодд'авар. / Мы кости оленей никогда никуда не выбрасываем [Там же].*

ТГ «Наименования птиц»:

пурахиль `поморка` < юк. *пурахиль* `поморка`; *хулаар* `чайка-баклан` < юк. *хулархаа* `чайка`; *хальарха* `розовая чайка` < юк. *хальархаа* `розовая чайка; визгунья`; *чинд'иликэ* `серая песчанка` < юк. *чиндиликээн* `жаворонок`; *панза* `петушки` < юк. *панза* `турухтан`; *н'оңгалба* `турпан` < юк. *йонйадир* `белозобая гагара`; *лиаңинд'а* `большой гусь` < юк. *йаудэ* `гусь`; *сакла* `полярная сова` < юк. *сахлэ(н)* `полярная сова` [Там же].

Отмечаются также следующие слова юкагирского происхождения: *киамилуа* `гагара с белым клювом`; *питси* `птенец`; *панза* `петушки`; *н'оңгалба* `турпан`; *пипаль* `плавунчик`, – которые не используются в других эвенских говорах [Там же].

ТГ «Наименования насекомых»: *чохани* `жук` < юк. *чохинд'аа* `черный жук` [Там же].

По нашим исследованиям, в ТГ «Оленеводство» из языка-источника вошли две лексемы: *кара* `кибитка` < юк. *каараа* `кибитка`; *налима* `нарта` < юк. кол. *налимэ* и юк. тундр. *лалимэң* `нарта, сани` [Там же].

Примеры: *Эчин кара додукун көйэттэм. / Вот так из кибитки выглянула; Умэн хуту д'улгөлэ, налиманкан н'улгэддэп. / Одного на передней стороне сажая и едем на нартах [Там же].*

ТГ «Рыболовство»: *улд'э* `лодка` < юк. тундр. *өл'д'эң* `ветка, челнок` [Там же].

ТГ «Наименования орудий труда»: *нимба* `доска для обработки шкур` < юк. кол. *нинбэ* `доска для кройки`; *йнд'и* `оленьи жилы, из которых изготавливают нитки` < юк. *иудьии* `сухожилие; сученная из сухожилия нить` [Там же].

ТГ «Наименование природных явлений»: *онди* `вода` < юк. *од'и* `вода` [Там же].

Примеры: *Ноһан гүнчэ: «Муунэлэһниив, тадук бнди дблан тбһанив». / Он сказал: «После того как сбегжал, прыгнул в воду» [Там же].*

ТГ «Слова, обозначающие форму, размер и другие качества предметов»: *лөтинэй* `грязный` < юк. *лөтинэй* `быть грязным`; *кутл'эн* `маленький` < юк. тундр. *көйлиэ* `крошка, кусочек`; *лориуи* `морщинистый` < юк. *лоринэ-* `быть отборным, красивым` [Там же].

Примеры: *Бй гадапу таръв болла кутл'укэжэн бичэ. / Мой близнец тогда был маленьким; Кутл'эн биддуку эрэк киазав, упэв укчэннэггэрэн. / Когда я была маленькой, об этом рассказывали дедушка с бабушкой.*

В ТГ «Одежда» употребляется лексема *кукуль* 'спальный мешок' < юк. *кукуль* 'спальный мешок' [Там же].

В ТГ «Наименование времен года» зафиксирована лишь одна лексема *чакай* 'весна' < юк. *чака* 'рыбный (сентябрь)' [Там же].

В говоре при заимствовании в некоторых словах наблюдаются изменения в семантике слов. Примерами смещения значений слов служит употребление таких лексем: *чакай* 'весна' < юк. *чака* 'рыбный (сентябрь)'; *лориуи* 'морщинистый' < юк. *лоринэ* 'быть отборным, красивым' [Там же].

При заимствовании в говоре отмечается адъективация лексем: *кутл'эн* 'маленький' < юк. *көйлэ* 'крошка, кусочек' [Там же].

Изменения в семантике слов зафиксированы в языке нижнеколымских эвенов и в эвенских лексемах. Отмечены следующие лексические единицы с расширенным значением слов: н-к *оракан* 'толстая кишка; желудок; зоб у куропатки' – лит. *оракан* 'толстая кишка' [Там же].

Примерами лексем, имеющих сужение значений слов, являются следующие: н-к *нууу* 'дурной' – лит. *нууу* 'глупец, тупица, дурак, болван, чурбан, простофиля; глупый, бестолковый, тупой, тупоумный'; н-к *котиуи* 'сухой' – лит. *котыуи* 'твердый, жесткий, пересоший, черствый' [Там же].

В говоре отмечается и смещение значений слов, например: н-к *каранчидай* 'смотреть с любопытством' – лит. *каранчидай* 'пристально смотреть, уставиться, вперить взор'; н-к *бобиуи* 'сморщенная, плохо выделанная шкура' – лит. *бобиуи* 'сморщенный; морщинки, складки' [Там же].

В языке нижнеколымских эвенов междометия представлены более обширно за счет заимствований из юкагирского языка. В говоре к заимствованным междометиям следует отнести такие: *эруу!* 'ой, больно!', *эттуо!* 'ну и ну!', *эрыкиэ-йо!* 'междометие, выражающее удивление', *поткуо!* *хых!* 'возглас при управлении собаками', *поткуо!* *хых!* – 'возглас при управлении собаками' и др. [4, с. 22-25].

Примеры: *Эттуо! Эрэк идук? / Ну и ну! Это откуда?; Эруу – эрэ! Нэли аһукут чикирам. / О, как больно! Чуть не порезала палец; Эрыкиэ, дилу энэлдэн. / О, как голова разболелась; Н'умури-киэ!, Гиһэркэм иттэм. / Какой ужас! Мышонка увидела; «Эд'эгэд'эк, һинни таро», – гунни. / «О, какой же ты миленький, вон твоё (лежит)»; «Эттуо! Эрэк идук?» – гончэ. / «О, удивительно! Этот откуда?» – говорит [14].*

Междометия в нижнеколымском говоре сопровождаются особой интонацией, нетипичной для других эвенских говоров. В говоре для придания междометиям разного рода интонационных нюансов применяются долгое произношение конечных гласных, эмфатическая долгота, ударение, и также частотным является использование суффикса *-кее* и частицы *-йо* [Там же]. Эту интонационную особенность междометий в говоре следует отнести к возможному влиянию языка-субстрата.

В говоре интерференция наблюдается и на фонетическом уровне, она отмечается в использовании в языке нижнеколымских эвенов переднеязычного согласного *л* не только в юкагирских заимствованиях, но и в начальной позиции эвенских слов вместо смычного согласного *к* и вместо носового согласного *н*, например: н-к *лавдака* 'лось' – алл., тюг. *навдака*, тюг. *лумук* 'скромный' – лит. *нумак*, н-к *лориуи* 'морщинистый' – лит. *кориуи*; н-к *локэддэн* 'вешает' – лит. *нокаддан*; н-к *лубаһак* 'мешок' – лам., тюг. *нубаһак*; н-к *лэбули* 'лохматый' – лит. *нэбули*; н-к *лаптан'а* 'плоский' – лит. *каптаня*, н-к *лавта* 'ягель' – лит. *навта* [7, с. 109].

Функционирование в говоре заднеязычного щелевого согласного *ʃ* в интервокальной позиции и в ауслате является также возможным влиянием юкагирского языка: *киаʃ* 'дедушка', *буʃ* 'родина', *киаʃ* *балуʃ* 'медведь', *панʃа* 'петушки', *н'оугалʃа* 'турпан', *тоʃ* 'огонь', *диэʃ* 'верхний; таежный; береговой' [Там же, с. 110].

В говоре согласный глухой смычный согласный *п*, переднеязычный щелевой шумный согласный *с* встречаются в начальной позиции лишь в заимствованных из юкагирского языка словах, например: *пура-хил'* 'поморка', *сисха* 'палец', *сахла* 'сова', *сэбул* 'подстилка под седло', *панʃа* 'петушки', *типал'* 'кулик', *пуйлэ* 'виска, протока' [Там же, с. 109].

По данным наших полевых исследований, увулярный глухой смычный *х* в языке нижнеколымских эвенов употребляется в юкагирских заимствованиях в начальной позиции и в интервокале: *хал'арха* 'розовая чайка', *хул'ар* 'чайка-баклан', *хал'апча* 'подгорелая еда', *хогах* 'команда «вперед» ездовым собакам' [14].

В единичных случаях в говоре согласный *х* используется в начале эвенских слов вместо заднеязычного смычного глухого согласного *к*: н-к. *хабата* 'лысый' – лит. *кабата* 'лысый' [Там же].

В данной контактной зоне влияние эвенского языка можно наблюдать и в лексическом фонде тундренного диалекта юкагирского языка. В языке тундренных юкагиров следует отметить наличие эвенских лексем, относящихся к разным ТГ. С. Н. Курилова отмечает: «В лексике тундрового юкагирского языка на сегодняшний день выявлен 71 тунгусизм, 69 из которых прямые переносы, два – опосредованные» [10, с. 120].

С. Н. Курилова утверждает, что при фонетической адаптации тунгусизмов наблюдаются субституция, наращение и усечение звуков. Отмечен перенос эвенских слов из таких частей речи, как имя существительное, глагол и реже – имя прилагательное, которые подчиняются грамматическим нормам словоизменения юкагирского языка. На семантическом уровне словарный состав юкагирского языка пополняется благодаря процессу гибридизации, развитию семантики, а также привлечению собственных словообразовательных средств [Там же, с. 121].

Е. А. Крейнович отмечал влияние языка эвенов на тундренный диалект юкагирского языка в области лексики, в частности, в олениводческой лексике, свидетельствующей о его заимствовании вместе с олениводством, также в работе автором были приведены примеры заимствованной лексики, связанной с терминами родства [3, с. 248].

К. А. Новикова выделяет в юкагирском языке наименования отдельных предметов материальной культуры, слова родственной терминологии, названия оленей по возрасту и масти, заимствованные из эвенского языка: «...эвн. *нөки* 'стрела', ср. юк. кол. *локил*; эвн. *мавут* 'аркан', ср. юк. тундр. *мйт'эн*; эвн. *кайсар* 'лыжи, не подбитые камусом', ср. юк. тундр. *кайсар*; эвн. *мэрун* 'высокая меховая обувь', ср. юк. кол. *мурэ*; эвн. *аман* 'отец', ср. юк. тундр. *ама*; эвн. *эн'ин* 'мать', ср. юк. тундр. *эн'иэ*; эвн. *акан* 'старший брат', ср. юк. тундр. *ака*; эвн. *экэн* 'старшая сестра', ср. юк. тундр. *экэа*; эвн. *итэнкэн* 'олень-самец трех лет', ср. юк. тундр. *итэнкэн*; эвн. *н'орканчан* 'олень-самец четырех лет', ср. юк. тундр. *н'уоркэнт'ау* и др.» [12, с. 128].

По предположению Е. А. Крейновича, «под влиянием юкагирского языка в языке эвенов, при участии суффикса *н'а* и *н'э*, образовался ряд прилагательных, обозначающих цвета и другие признаки» [3, с. 249].

В языке тундренных юкагиров отмечается интерференция и на морфологическом уровне, выражающаяся в активном использовании эвенских деминутивных суффиксов *-чан / -чэн, -кан / -кэн*. Как показывают лингвистические материалы, чаще всего данные форманты употребляются в тундренном диалекте юкагирского языка при образовании антропонимов и топонимов, например: юк. *Нуункичаан өуиэ* – топон. название речки; *Нэрэгуукээн* – собств. мужское имя; *Ньяавийикаан* – собств. мужское имя; *Татуоракаан амаа* – сущ. зват. имя человека с перенцем (сыном) по имени *Татуоракаан*; *Тахтуорньикаан* – собств. имя мужчины; *Хаальмакаан* – собств. прозвище мужчины; *Чиндиликээн* – собств. мужское имя; *Чуучичээн* – собств. мужское имя [9]. В литературном эвенском языке при помощи аффикса *-кан / -кэн* образуется уменьшительная, уменьшительно-ласкательная форма имени. С суффиксом *-чан / -чэн* образуется уменьшительно-ласкательная форма, иногда имеющая оттенок снисходительности [18, с. 77-79].

В нижнеколымском и аллаиховском говорах выявлены лексемы, не имеющие параллели в других эвенских говорах и в палеоазиатских языках, например: *чилгэ* 'якут', *нижилэ* 'огонь'. Слово *чилгэ*, употребляющееся в говоре в значении 'якут', возможно, заимствовано из тундренного диалекта юкагирского языка и означает в данном диалекте *чилгэ* 'ветка (дерева)'. По поводу лексемы *нижилэ* 'огонь' можно предположить, что она произошла от слова *ьнгило* 'огонь', которое было зафиксировано в «Сравнительном словаре всех языков и наречий» П. С. Палласа [13]. По поводу юкагирских слов, зафиксированных в данном словаре, Г. Н. Курилов пишет: «В данном словаре содержится 131 юкагирское слово. По мнению шведского ученого И. Ангере, они, должно быть, принадлежали исчезнувшему "диалекту усть-янских юкагиров". Мы, естественно, не располагаем сведениями о том, были ли эти материалы собраны от разных по племенной принадлежности юкагиров или же от представителей одной определенной группы. Если они собраны у юкагиров, проживавших на одной территории, то можно с уверенностью утверждать, что это не были ни лесные (т.е. верхнеколымские), ни тундренные (т.е. нижнеколымские) юкагиры. Это видно из того, что в названном словаре кроме известных по языкам лесных и тундренных юкагиров лексических единиц встречаются и совершенно неизвестные слова» [8, с. 30].

Таким образом, следует отметить, что в языке нижнеколымских эвенов отмечается активное использование заимствованных терминов родства и наименований птиц из юкагирского языка, не зафиксированных в литературном языке и в говорах восточного наречия эвенского языка. Отдельные лексические корреспонденции с параллелями для нижнеколымского говора выявляются в говорах западного наречия. При заимствовании в некоторых лексических единицах языка-реципиента происходят расширение, смещение и сужение значений слов. В говоре интерференция наблюдается и на фонетическом уровне и выражается в употреблении в начальной позиции эвенских слов согласных *л, к* и в интервокальной позиции согласного *б*. Также отмечается в некоторых словах в начальной позиции использование увулярного глухого согласного *х* вместо заднеязычного согласного *к*.

Список используемых сокращений

Алл. – аллаиховский	Тундр. – тундренный
Зват. – звательное	Тюг. – тюгяский
Кол. – колымский	Эвн. – эвенский
Лам. – ламунхинский	Юк. – юкагирский
Ск. – саккырырский	

Список источников

1. Дуткин Х. И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1996. 144 с.
2. Дуткин Х. И., Белянская М. Х. Тундренный диалект западного наречия эвенского языка: этнолингвистическое и этногеографическое исследование. СПб.: Бельведер, 2009. 168 с.
3. Крейнович Е. А. Юкагирский язык. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 289 с.
4. Кузьмина Р. П. Междометия и звукоподражательные слова в нижнеколымском говоре эвенов // Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы: материалы IV международной научно-практической конференции. Прага: Sociosféra-CZ, 2016. С. 22-25.
5. Кузьмина Р. П. Некоторые лексические особенности языка нижнеколымских эвенов // Социосфера. 2015. № 4. С. 44-46.
6. Кузьмина Р. П. Некоторые фонетические особенности нижнеколымского говора эвенского языка // Альманах современной науки и образования. 2013. № 10 (77). С. 108-110.
7. Кузьмина Р. П. Состав согласных фонем нижнеколымского говора эвенского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71). Ч. 1. С. 108-111.
8. Курилов Г. Н. Лексикология современного юкагирского языка. Развитие лексики и роль в нем якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.

9. Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
10. Курилова С. Н. Интеграция тунгусизмов в языке тундровых юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61). Ч. 2. С. 120-122.
11. Новикова К. А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / под ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1972. С. 104-150.
12. Новикова К. А. Лексика эвенского языка // Народы и языки Сибири: сб. статей / отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск: Наука, 1980. С. 125-135.
13. Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранных десницею Ее Всевысочайшей особы: в 2-х т. СПб., 1787. Т. I. 240 с.; 1789. Т. II. 511 с.
14. Полевой материал автора Р. П. Кузьминой. Интервью в с. Андрыушкино Республики Саха (Якутия): записано 7 апреля 2015 г.
15. Саввинова С. Н. Якутская заимствованная лексика в эвенском языке: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2010. 177 с.
16. Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.
17. Цинциус В. И. К сравнительному изучению основного словарного фонда тунгусо-маньчжурских языков // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. 1954. Т. 101. С. 283-295.
18. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Наука, 1947. 270 с.

YUKAGHIR BORROWINGS IN THE LOWER KOLYMA DIALECT OF THE EVEN LANGUAGE

Kuz'mina Raisa Petrovna, Ph. D. in Philology
*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
raisakuzmina2013@yandex.ru*

The article describes Yukaghir borrowings in the Lower Kolyma dialect of the Even language, which have not been previously studied by specialists in Even philology. The author introduces new linguistic material on Yukaghir borrowings, in particular from its tundra dialect, into scientific use. The study is based on analyzing Yukaghir borrowings in the language of the Lower Kolyma Evens, this process is represented at all linguistic levels and is characterized by a number of specific features. The study of Yukaghir borrowings is conducted on the basis of the author's field material gathered in the villages Andryushkino and Kolymskoye of the Lower Kolyma ulus of the Sakha Republic (Yakutia) (2013-2015).

Key words and phrases: lexical structure; Lower Kolyma dialect; dialecticisms; Even language; interference; semantics.

УДК 8; 81

Дата поступления рукописи: 19.12.2017

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.28>

В статье проводится диктемный анализ наиболее значимых отрывков изображенной внутренней речи католического священнослужителя в романе Грэма Грина «Сила и слава» и выделяется ведущая роль синтаксических выразительных средств, которые персонифицируют образ главного героя и являются стилистическими маркерами в оформлении внутренней речи. Сам персонаж рассматривается как литературоведческая категория, что позволяет дать этому явлению полную характеристику. Профессиональная речь священнослужителя представлена и проанализирована в рамках аутокоммуникации. Также особое внимание автор акцентирует на таких жанрах внутренней речи, как исповедь падре самому себе и молитва о спасении души и вечной жизни.

Ключевые слова и фразы: изображенная внутренняя речь; диктемный анализ; «затекстовая» ситуация; антропоцентричность; прямая речь; авторское повествование; аутокоммуникация; христианские деноминации; природное двуязычие народа.

Любимова Елизавета Андреевна

*Московский педагогический государственный университет
lyubimovaelizaveta@mail.ru*

ИЗОБРАЖЕННАЯ ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В СТРУКТУРЕ РОМАНА ГРЭМА ГРИНА «СИЛА И СЛАВА» (“THE POWER AND THE GLORY”)

В настоящее время понятию «языковая личность» в языкознании и литературоведении отводится особое место. Это связано с повышенным вниманием науки к человеку не только как члену общества, но и как неповторимому, уникальному представителю той или иной лингвокультуры. Особенно четко это можно видеть в современной художественной литературе, которая становится все более антропоцентричной.

Личностные особенности выражаются через речь: внутреннюю и внешнюю. Эти же явления можно назвать аутокоммуникацией, то есть внутренней речью, и внешней коммуникацией – речью, направленной к некоему собеседнику или собеседникам. В сфере аутокоммуникации выделяются озвученная внутренняя речь и неозвученная, «немая» внутренняя речь [4, с. 6].